

Это магическое слово – актриса

ЖИЗНЬ И СУДЬБА

В любой трудной ситуации, когда все аргументы были исчерпаны, она говорила: «Я – актриса». Помощь приходила незамедлительно, проблема разрешалась. Валентина Шпагина и сейчас уверена, что слово это обладает каким-то необыкновенным воздействием на людей. За свою жизнь, полную невероятных – трагических и счастливых – событий, ей приходилось часто прибегать к магической силе слова «актриса».

Лето 1941 года в Балахне, небольшом городке под Горьким, начиналось с буйного цветения садов. Но долгожданные каникулы семиклассницы Вали Шпагиной были непоправимо испорчены – война.

Что такое война, она не очень понимала. Вместе с мамой на пароходе «Глеб Успенский» отправились в Ярославль. (Пароход этот жив и поныне, мы видели его в фильме «Жестокий романс» переименованным в «Ласточку».) По дороге собирали тех, кто уходил на войну. Особенно много пассажиров садилось в Костроме. Было такое ощущение, что на пристани оказался весь город – прощались, плакали, целовались. Когда пароход начал отплывать, провожающие пошли за ним прямо в воду. Над Волгой стоял стон, заглушить который не могли даже с шумом вращающиеся лопасти. Вот тогда и стало понятно, что такое война.

В Ярославле вместе с подружками-ровесницами Валя пошла в военкомат проситься на фронт. Девочке с бантиками отказали: «Пока поучись». А на военный завод – укладывать снаряды – взяли.

Как-то девчонки принесли газету с объявлением о наборе в театральную студию. «Валя, иди, мы за тебя болеть будем». Экзамены были в марте 43-го, набирал студийцев сам Иван Алексеевич Ростовцев – легенда Волковской сцены. Желающих стать артистами оказалось очень много. Валя удивлялась, сколько в городе красивых девочек, как хорошо они одеты! И тоже постаралась «соответствовать»: на старое платьице пришила белый воротничок, тупфли «лакировала» яичным белком (но они так и не застели). Волнение прошло вместе с надеждой поступить: некрасивая да еще маленькая, куда с такими красавицами тягаться! Тем более что даже красавицы как-то подозрительно быстро выходили с экзамена.

Иван Алексеевич задавал всего один вопрос: «Сколько вам лет?» На отвечающего даже не смотрел – только слушал голос. «Мне 17 лет», – продекламировала Валя на всю аудиторию. Ростовцев повернулся, взглянул: «Читайте, что приготовили». Прочитала сон Татьяны из «Евгения Онегина». Потом еще попросили сыграть этюд, прочитать какой-то незнакомый текст.

На все вопросы Ростовцева

она отвечала с такой непосредственностью, что неизменно вызывала смех приемной комиссии. «Отойдите, повернитесь спиной, – попросил Иван Алексеевич. – Девица?» С удивлением ответила: «Конечно». «Что-то непохоже», – сказал экзаменатор под обидный хохот.

Результатов экзамена пришлось ждать почти полгода – до августа. Увидев свое имя в списках поступивших, не поверила. Но ошибки не было – поступила. Осенью началась учеба.

В Ярославле в годы войны работал театр оперетты, эвакуированный из Ленинграда. На одном из спектаклей и встретила Валя Ленечку Глузману, своего будущего мужа. Она потеряла в зале новенькую трудовую книжку, а он нашел ее. После спектакля проводил домой и даже руку поцеловал. Знаки внимания этим не ограничились – курсант пулеметного училища сделал ей предложение. Леониду было всего 20 лет, но он уже

успел поучиться в театральном училище имени Щукина, в 1942-м ушел на фронт, а в конце войны был направлен в училище. В 1944 году Валя вышла замуж за Леонида и оказалась в Москве, в интеллигентной семье, в шикарной квартире на площади Маяковского. После войны Леня поступил в ГИТИС, устроился на «Мосфильм» помощником режиссера. Он был хорошо знаком с Довженко, уже тогда мечтал о карьере кинорежиссера.

Сказка о Золушке становилась явью. Довженко снял Валу в фильме «Мичурин». Играла она студентку плодоягодного техникума. Но при монтаже этот эпизод в фильм не вошел. Неудачный дебют расстроил. Работы в Москве не было, и Валя заскучала по Ярославлю, по Волковскому театру. Леонид остался в Москве, а Валя поехала к Ростовцеву. «Конечно, возьму. Смотри, как ты повзрослела, отроквица».

Валя стала работать в театре. Сыграла в «Нашествии», в «Молодой гвардии», но не выдержала и снова уехала в Москву. Однажды встретила режиссера из Рыбинска Давида Яковлевича Меринсона. «Какая Москва, поехали ко мне. У меня такой Фердинанд, зрители ломают, в театр не попадешь! Вот только Луизе 47 лет. Нужна молодая героиня». Валя заинтересовалась, почему же такой хороший «Фердинанд» работает не в Москве. Меринсон ответил уклончиво: «В паспорте есть у него отметка».

Согласилась поехать в Рыбинск посмотреть на Фердинанда. Пришла на сбор труппы и стала ждать, когда же появится этот красавец Ферди-

нанд. Время идет, а его все нет. Спросила у одной актрисы: «А где же Кузьмин?» – «Так он сидит рядом с вами».

Рядом сидел пожилой – по представлению двадцатилетней Шпагиной – мужчина лет 35, совсем некрасивый. Валя была разочарована и огорчена: «Зачем я приехала в Рыбинск, да еще к этому Кузьмину!» Но когда она увидела его на сцене, была покорена безо-

Валентина Шпагина в 1946 году.

Сцена из спектакля «Голос Америки» Енисейского театра. В главных ролях – Николай Кузьмин и Валентина Шпагина (1949 год).

говорочно. Правда, от роли Луизы решила отказаться – не могла идти на «живое место», но премьеру «Платона Кречета» уже играла с Кузьминым.

Начался бурный роман, скрыть который было невозможно. Но Ленечка верил ей, как себе. Приезжал, привозил продукты, шоколад. Никто из труппы даже не намекал, что у его жены есть возлюбленный. Сама Валя признаться не решалась.

Ускорил объяснение второй арест Кузьмина. К тому времени он уже отсидел десять лет. После войны многих репрессированных начали забирать повторно. Кузьмину «дали» пожизненное поселение. Когда Валя пришла на свидание в Коровники, он спросил: «Приедешь?» – «Конечно».

Но даже собираясь в ссылку вслед за возлюбленным, мужу ничего объяснить не смогла. Дома сказала, что едет работать в Красноярский театр. Провожая ее на вокзал, Ленечка с трудом выговорил: «Папа думает, что ты к нам больше никогда не вернешься». «Я все тебе напишу», – и теперь не решилась она сказать правду.

В Енисейске ссыльные встречали ее на берегу. Николай Васильевич представил: «Это моя жена». И они пошли в дом, который снял Кузьмин для нее.

Что такое домашнее хо-

зяйство, Валя представляла смутно. Для начала купила... медвежонка. Радовалась своей практичности – семья будет с мясом, да и шкура пригодится. Смешной, головастый мишка ходил за ней по пятам, сопровождая даже в клуб, где терпеливо ждал конца репетиции. Но ел столько, что бюджету семьи грозил крах. Молоко пил, придерживаясь за Валины руки. Спектакли она играла в перчатках – так была исцарапана. Мишка подрастал, начал реветь по ночам, «хулиганил» в доме. По совету соседки пришлось молодой хозяйке отдать медвежонка в школу, где его посадили в клетку. Валя жалела его, но когда приходила кормить, зверь разворачивался к ней спиной, всем своим видом выражая презрение. Она стояла у клетки и плакала.

Следующей покупкой оказалась большая рыжая курица. Она тоже жила в доме, несла яйца и, как и медвежонок, провела Валу в Дом культуры на спектакли. Николай Васильевич был его директором и режиссером, актеры – сплошь

ссыльные. За три года молодая актриса сыграла множество ролей, и все первые.

Наконец решила написать мужу. Ответ получила не сразу – Леня ее не простил, в письме кастерил последними словами. А вскоре он женился на дочери ярославского прокурора Пчелкина и взял ее фамилию. Со временем он стал известным кинорежиссером. Но до самой его смерти (Леонид Пчелкин умер в сентябре прошлого года) Валентина никому из знакомых не рассказывала, что была его первой женой. Чувство вины перед Ленечкой осталось до сих пор. «Наверное, я предательница. Но перед любовью я была бессильна».

А тогда Шпагина и Кузьмин мечтали снова оказаться в профессиональном театре. Ближайший настоящий театр был только в Норильске. За разрешением на переезд Валя по-

ехала в Красноярск. Начальник управления МГБ – симпатичный, очень молодой мужчина – объяснил ей, что в Норильск можно уехать только навсегда, оттуда никаких переездов больше не будет.

На берегу Енисея, ночуя прямо на гальке, ждали они последний караван в Дудинку. Вместе с ними в вечную ссылку отправилась и маленькая Валечка, которой был уже год восемь месяцев. Плыли на барже больше десяти дней. Кого здесь только не было! Группа инженеров, угодивших из заграничной командировки прямо в ссылку, блатные. Пели песни, плакали и... говорили по-французски. Белокурая дочурка ходила по палубе – словно ангел спустился на это Богом забытое место.

Товарищ по Енисейску, ссыльный актер из Ленинграда Николай Рытков, отвязав лодку, отправился на свидание к любимой, которая отбывала наказание неподалеку. Конвоир требовал у Вали сказать, куда сбежал ее сосед. Она не знала. Тогда конвоир направил на нее винтовку: «Рассказы-

та. Зарплата у танцоров и певцов была больше, чем у драматических актеров. Партнерами по сцене у Вали были Георгий Жженов, Иннокентий Смоктуновский. И здесь тоже все роли молодых героинь были ее. Она оставалась, как и в Енисейске, единственной женщиной. отправившейся за мужем в ссылку. Хотя за некоторые роли и сама могла схлопотать статью Играть княжну Забаву, Валя горючила: «Боже правый, заступница матери! Чем лихую судьбу заслужила я? В чем повинна. что меня из земли святорусской унесло в это злое гнездо?» В зале люди сидели, низко опустив головы, и плакали. Однажды Валя заплакала вместе со всеми.

Через три года норильской ссылки Николай Васильевич решил обратиться к правительству с просьбой о помиловании. Сталин уже умер, но массовая реабилитация еще не началась. Валентина поехала в отпуск с дочкой в Ярославль, по дороге решила сама отдать это письмо в Кремль. Красивая, холеная женщина в приемной конверт не приняла, не

подействовало на нее и магическое: «Я – актриса». В отчаянии шла норильская добровольная поселенка по столице. Купила конверт и, вложив в него письмо, крупными буквами написала: «Москва. Кремль. Ворошилову». Почему именно ему – и сегодня не понимает.

Ответа пришел через месяц: просьбу взяли на рассмотрение. А вскоре правительственной телеграммой им сообщили о реабилитации Кузьмина. Все пла-

вали, а то пристрелю!» Отстал только после того, как она сказала: «Я актриса, а не ссыльная, и за мою жизнь тебе придется отвечать». А вскоре Рытков вернулся, и инцидент замяли.

В Дудинку прибыли без копейки, а надо было еще около 100 километров ехать по железной дороге через тундру в Норильск. «Я – актриса, я пришлю вам деньги, отвезите», – говорила она, и люди верили. «Я – актриса, еду работать в Норильск», – обращалась она к конвоирам, решившим высидеть ее с открытой платформы, предназначенной для ссыльных. Магическое слово снова действовало безотказно.

В Норильском театре, расположенном в бараке, жили в красном уголке прямо за сценой. Когда шел спектакль, в котором не были заняты, сидели как мыши. Николай Васильевича устроили... солистом бале-

кали, кроме Николая Васильевича. В Норильске он не хотел оставаться ни дня. Директор театра просила их поработать еще хотя бы год – летел репертуар, но дома ждали родители, Кузьмина и Шпагину охотно брали в театр Волкова.

В Ярославле их встречали друзья и родные, счастья не было конца. После шести лет ссылки были 47 лет в небольшой квартире на улице Чайковского. 53 счастливых года прожили они вместе.

Теперь Валентина Сидорова живет одна, но привыкнуть, что Кузьмина нет, так и не может. Помогает жить ощущение, что он рядом. Иногда оно становится настолько реальным, что Валентина Сидорова обращается к нему: «Николай Васильевич, вы слышите?»

За долгие годы супружеской жизни на «ты» они так и не перешли.

Марина ШИМАНСКАЯ.